

A woman with long, dark, wavy hair and a young child with light brown hair are looking at a bowl of food. The woman is on the right, looking down at the bowl. The child is on the left, looking up at the woman. They are both wearing medieval-style clothing. The background is a dark, misty forest.

Ася Ким

**КВАРТПЛАТА
ВЕЧНОСТЬЮ.
Коммунальные
услуги нижних
миров.**

Ася Ким

**КВАРТПЛАТА ВЕЧНОСТЬЮ.
Коммунальные
услуги нижних миров.**

«Автор»

2026

Ким А.

КВАРТПЛАТА ВЕЧНОСТЬЮ. Коммунальные услуги нижних миров. / А. Ким — «Автор», 2026

Говорить с мертвыми просто. Сложнее — выжить после этого самой. Ася Фатеева живет две жизни. Днем она — мама четверых детей, которая ругается с домовым Трошкой из-за украденного борща. Ночью — черный шаман Айдана, спускающаяся в Нижний мир, чтобы вырвать чужие души из лап гниющих страхов. Она принимала роды у собственной дочери, пока держала границу миров для самоубийцы. Она платила Смертью за зрение, меняя его на жизнь чужой бабушки. Она строила защиту детям из соли и родительской любви там, где другие ставят иконы. «Квартплата вечностью» — это безжалостно честный преискурант тонких миров. Книга о цене дара, который передается не по наследству, а вместе с трещиной в позвоночнике. О том, как любить мужчину-Бурю, когда сама состоишь из льда Бархатной Мглы. И о том, почему самый страшный демон сидит не в подвале старого кладбища, а внутри нас самих, вежливо предлагая выпить чаю. Если ваша Тьма тоже хочет стать домом — вам сюда. Читать строго после заката. Приготовьте полынь.

© Ким А., 2026

© Автор, 2026

Ася Ким

КВАРТПЛАТА ВЕЧНОСТЬЮ.

Коммунальные услуги нижних миров.

1 часть. САРКОФАГ

Глава 1. Саркофаг

Они думают, что шаман — это тот, кто умеет говорить с мертвыми. Какая наивная глупость.

Говорить — это самое простое. Сложнее всего заставить себя замолчать. Сложнее всего похоронить живого человека внутри собственного тела.

Двенадцать лет назад моя бабушка умерла от рака. Это не была красивая смерть из кино, где все держатся за руки и отпускают душу со светлой улыбкой. Рак — это медленная казнь. И я стояла там в качестве палача. Я ничего не могла сделать. Ни угадать дозировку морфия, ни вымолить лишнюю неделю у равнодушных врачей, ни забрать эту гниль в свое собственное легкое.

Когда она ушла, часть меня просто не встала с больничного кресла. Душа осталась лежать там, на холодной клеенке, рядом с уткой и запахом хлорки. Мне было восемнадцать, кажется. Или около того. В ту секунду мир потерял цвет.

Чтобы выжить, психика сделала единственное, на что была способна: она залила бетоном дыру размером с вселенную. Я построила саркофаг прямо внутри грудной клетки. Снаружи Ася Фатеева продолжала жить: ела, училась, смеялась, рожала детей, рисовала карты Таро, писала «Бархатную Мглу». Но внутри всегда было минус двадцать. Тихо, стерильно и пусто. Боль стала моим единственным компаньоном, которого я научилась не замечать, как шум холодильника на кухне.

Я называла это «я отпустила». Я говорила об этом клиентам, помогая им развязывать их узлы. Я давала мудрые советы про свободу воли и легкий переход. Но сама я крепко держала бабушку за горло своей бетонной хваткой. Потому что отпустить ее — значило признать поражение. Признать, что я обычная слабая девочка, которая не спасла единственного родного человека.

Шаману нельзя быть слабым. Шаману нельзя плакать три года подряд. И я заморозила слезы. Запечатала их вместе с болью.

Этот лед начал таять только сейчас. Три месяца Вселенная била меня кувалдой по голове. Она дала мне работу, от которой тошнит даже демонов: удерживать душу, которой пора уйти. Привязывать ее канатами собственной энергии, потому что так нужно для баланса. Мой канал открылся настежь, вымораживая остатки человечности. Чтобы не сгореть, я начала отдавать — написала две книги и больше двадцати песен. Творчество стало ветою тьмой.

А потом ко мне пришел рыжий кот. Валера. Зять моей бабушки.

Он не входил через дверь. Он вошел сквозь бетон. Дикий, кусачий зверь, который за три дня до своего исчезновения вдруг позволил себе стать мягким. Он лег на мои колени — прямо на крышку того самого саркофага — и включил свой трактор.

Его мурчание вошло в резонанс с вибрацией бетона. Плита пошла трещинами.

Вчера он ушел в туман. И плотину прорвало. Я рыдала так, как не рыдала двенадцать лет. На полу, лицом в пыль, захлебываясь соплями и любовью. Я оплакивала не кота. Я хоронила ту самую девочку из больницы. Я наконец-то разрешила ей умереть вместо бабушки.

Саркофаг открыт. Внутри сыро, пахнет землей и свободой. Воздух обжигает легкие, привыкшие к спертому духу склепа. Больно? До слепоты. Но теперь эта боль течет сквозь меня, а не стоит колом в горле.

Я пишу эти строки, сидя на обломках своей бывшей тюрьмы. Рыжая шерсть Валеры всё еще чувствуется на коленях. Бабушка наконец-то забрала свою внучку домой.

Добро пожаловать в мою книгу. Здесь будет больно. Но здесь будет честно.

Глава 2. Тысячи канатов: Три дня творения

День первый. Разделение

Это была сложная, трёхдневная работа, похожая на древний обряд перерождения, где душа и тело сплетались в единое полотно.

В первый день мы ступили на тонкий лёд. Это было время горького, но необходимого разделения. Мы рвали незримые нити, опутавшие сердце человека, — отпускали душу ушедшего в её вечный путь. В то же время мы были хранителями, не позволяя душе живого покинуть свою земную обитель, ибо её час ещё не пробил. Мы разрывали связи, и боль от этих ран была оглушительной, но так было нужно, чтобы освободить место для жизни.

Бубен гремел как гром.

День второй. Очищение

Во второй день мы возвращали человека к истокам, чтобы он обрёл опору. Мы заземляли его, заставляя врасти корнями в сырую, дарующую силы землю. Через горький дым трав и очищающий жар бани смывали с него пепел вчерашней боли. Стихии огня и воды омывали его суть, выжигая всё чужеродное, оставляя его нагим и чистым перед лицом нового начала.

Запах полыни въелся в кожу.

День третий. Ткачество

В третий день мы стали ткачами. На очищенном полотне его естества мы начали плести новые, крепкие нити, чтобы удержать душу в теле, пока она, подобно ростку, снова не «при-

живётся» в обновлённой почве. И когда основа была соткана, мы возвели вокруг него защиту — кокон из чистого света, что даровали нам духи. Этот свет стал нерушимой крепостью для его возрождённой сути.

Тишина стала звенящей.

И когда ливень наконец стих, радуга, раскинувшаяся коромыслом над мокрым городом, стала печатью на договоре с небесами. Знак того, что контракт переписан. Врата в новую жизнь открыты. Всё будет хорошо

Глава 3. Пепел на воде

Этим летом приходят только самые сложные ритуалы. Если в прошлый раз мне нужно было удержать душу на тонкой нити, то теперь — перерезать ее и отпустить в полет.

Долгая диагностика: что же род хочет передать своему уходящему предку? Отец девушки замер на грани жизни и смерти. Душа уже соткана из иного света, она готова уходить, но невидимая тяжесть держит ее у самого порога. Искали причину... нашли. Когда-то давно один из предков совершил страшное предательство против ведьмы. За эту вину расплачивался весь его род кровью и болезнями. Как говорится, от любви до ненависти лишь шаг отвергнутого сердца: он так сильно любил ту ведающую, что после ее отказа оклеветал ее имя перед всеми.

Ведьму сожгли заживо у позорного столба — она уходила в муках, проклиная палачей и задыхаясь от дыма, так и не выдав своих секретов. Детей у нее не осталось: огонь забрал всех, кто мог бы по крови забрать ее боль себе. Поэтому на пепелище пришла лишь племянница. Она голыми руками разгребала остывшие угли во влажную погоду, чтобы собрать то, что не превратилось в золу — белые кости своей тетушки. Она омыла их в ведре с водой. Вода тут же помутнела, став цвета густого чая — это смывалась копоть мученической смерти, растворялась зола костра и впитывались последние слезы замученной души. Девушка бережно перевязала каждый узел очищенных костей длинной траурной лентой, словно пеленая изувеченное тело для последнего сна. Затем она положила их на самодельный плотик из свежесрубленной коры и оправила вниз по реке. Плотик медленно подхватило течение, унося останки прочь от земли, пропитанной ненавистью соседей. Ведьма при жизни врачевала проточной водой, лечила людей на берегах, поэтому река стала ей посмертным алтарем. Кости больше не лежали в чужой, оскверненной огнем земле. Они возвращались в первозданную стихию целительницы.

Сама ведьма «пришла» следом. Она не держала зла, лишь рассказала правду о том дне. И попросила принести на местное кладбище, к безымянной могиле убитой ворожеи, простую крынку с чистой водой.

Как только последняя печать пала и душа отца ступила за грань, разверзлись небеса. Хлынул такой ливень, что казалось — природа плачет вместе с нами, омывая старую землю от вековой скверны. Ведьма прилетела на свою могилу крохотной птичкой — просто чтобы попрощаться и забрать свое. В моем дворе стоял бассейн с водой, дождь наполнял его, захлестывая через край новыми потоками. Но стоило птице взмахнуть крыльями и раствориться в грозе, как она забрала воду с собой. Через несколько часов чаша опустела. Без видимых повреждений бетона, без луж вокруг, без медленного испарения под солнцем. Вода просто исчезла, оставив сухую пустоту.

В такие моменты понимаешь, что настоящие чудеса не нуждаются в объяснениях. Родовая программа убрана, тяжелый узел развязан. Останки вернулись в реку, вода смыла пепел, а дух получил свои ответы. Теперь душа отца сможет уйти спокойно, а проклятие больше не ляжет на плечи детей. Род очистился. Жизнь продолжилась

Глава 4. Яркие грифели

Сегодняшняя тропа снова легла через изнанку мира.

Душа человека, чье тело изъела долгая болезнь, уже почти шагнула за порог. Переход должен был стать тихим выдохом в темноту, последним освобождением от плоти. Но полотно мироздания дало внезапный сбой — тонкая нить судьбы лопнула с едва слышным звоном. В опустевший сосуд, вместо покоя вечности, юркнул чужой испуганный дух. Человек встал. Снова взял в руки карандаш. Только не черный, жирный мелок мертвых по серому пергаменту посмертия, а яркие цветные грифели. И начал рисовать.

Мальчик рад. Здесь тепло, здесь пахнет хлебом и домом, здесь кормят досыта. А там... Там была крошечная темнота, сосущая под ложечкой пустота и ледяной ужас одиночества. У его матери было семеро детей. Пришла война — жестокая, ненасытная прорва, жадная до теплой крови и сиротских слез. Она вырвала мать из круга семьи одним рывком. Мальчик не поверил в этот обрыв. Он долго бродил во тьме, искал ее запах, ее голос, пока просто не нашел поваленное дерево. Сел на промерзшую землю, потому что маленькие ноги больше не могли идти, а в животе был голодный волк... Так он и уснул навсегда в своем ожидании, примерзнув к корням.

Почему душа сорвалась с якоря и потерялась между гранями — остается загадкой для живых. Быть может, материнская рубаха сгорела в пожаре, и ей не во что было одеться в дорогу. Быть может, старший брат не успел передать ему узелок.

Я провела ритуал воссоединения. Я взяла этого мальчика за холодную руку и привела его туда, где свет. Я позвала его маму. Позвала шестерых братьев и сестер, ждавших его все эти долгие зимы. Мы собрали их всех вместе, чтобы круг снова стал целым. А потом я отнесла угощение — простую еду живых — под то самое старое дерево, о котором он говорил сквозь чужую взрослую память. Душа наконец узнала родные лица, сделала свободный вдох и ушла вслед за ними, растворяясь в тепле семейного объятия.

Чудеса случаются именно так. Их невозможно выдумать даже самой бурной фантазией, сотканной из бархатной мглы и боли. Жизнь всегда оказывается страшнее, пронзительнее и честнее любой придуманной сказки. Взрослый человек сегодня снова смог спокойно лечь и уйти, закрыв за собой дверь. А семерых детей у дерева теперь ждет только бесконечная игра при свете теплого солнца, где им больше никогда не будет темно, одиноко и холодно.

Глава 5. Анатомия тишины

(Искусство слушать мертвецов)

В этой работе самое опасное — не духи и не проклятия. Самое опасное — поставить ложный диагноз собственной интуиции или страху клиента. Ко мне часто приходят люди с глазами затравленных оленей и говорят: «На мне порча», «Матушка сделала приворот» или

«Род закрыт наглухо». Они ждут рассказа о кладбищенской земле в подушке или кукле вуду, зарытой под порогом.

Но девяносто процентов случаев «проклятий» — это не магия. Это родовая психология, зацементированная смертью. Это непрожитое горе бабушки, которое фонит через три поколения спазмами в горле у правнучки.

Был случай. Женщина тридцати пяти лет. Панические атаки, невозможность построить отношения, хроническая холодность рук и ног. Она была уверена, что первая жена её нынешнего мужа (которая умерла от рака пять лет назад) тянет из нее энергию ночами, потому что «не отпускает его». Клиентка пила святую воду литрами, жгла церковные свечи круглосуточно, но становилось только хуже — покойная словно злилась на вмешательство.

Я села перед ней. Закрывает глаза, чтобы отсечь визуальный шум. И вместо запаха разложения, могильной сырости или воска я почувствовала запах... крахмала, хозяйственного мыла и влажного бетона. Старая советская прачечная. Тяжелый пар. Женские руки, красные и потрескавшиеся от щелочи.

Я взяла женщину за руку и повела ее внимание не вниз, в мир теней, а вверх — по линии бабушек. Там, в послевоенном Ленинграде, жила её прабабка. Муж пропал без вести. Четверо детей на руках. Чтобы они не замерзли насмерть той лютой зимой, она ночами стирала чужое белье в ледяной воде Невы. Ее суставы сгнили от ревматизма задолго до старости. Её программа выживания прошла ДНК насквозь: «Я должна отдать всё своё тепло, всё свое здоровье, лишь бы дети жили».

Мертвая любовница мужа здесь была ни при чем. Она давно ушла своей дорогой. Здесь была любовь, доведенная до саморазрушения. Прабабушка просто стояла у той воображаемой стиральной доски и беззвучно плакала, глядя на правнучку, которая мерзнет в теплой квартире с центральным отоплением, повторяя её судьбу.

Мы не изгоняли духа. Мы не рвали канаты. Мы просто подошли к ней там, в сером пару прачечной, укутали её плечи невидимым шерстяным платком и сказали то, чего ей никто не сказал семьдесят лет назад: «Всё, бабушка. Ты свободна. Детей больше не нужно греть об лёд. Можно отдохнуть».

Атаки ушли через неделю. Тепло вернулось в ладони. Никакого экзорцизма. Только анатомия тишины — умение услышать за криком страха простую человеческую усталость мертвых.

... Я пишу это строки, сидя на обломках своей бывшей тюрьмы. Рыжая шерсть Валеры все еще чувствуется на коленях. Бабушка наконец-то забрала свою внучку домой. Но бетон треснул, а скорлупа осталась. Теперь эта боль течет сквозь меня, а не стоит колом в горле. Она стала тем самым серым плодом, который окутывает плечи, когда идешь по мокрому асфальту мимо мертвых окон. Тем самым стеклом, что хрустит под подошвами. Я знаю этот путь. И я больше не боюсь идти по нему босиком.

Осколки под кожей

Свет. Тень. Промокший тротуар.

Прохожий. Ветер. Пустота.

И в лужах — мёртвое стекло,
Где жизнь смешалась с абсурдом.
А в окнах — свет, тепло, уют...
А на душе — паршиво, ломит кости.
И снова этот серый плед
С осколками той боли, что несу я.
Как будто бы она почти под кожей...
И нет её на свете мне дороже.
Я сжал в кармане рукоять ножа
И бросил на ступени у подъезда.
И боль, как верный пёс, легла у ног.
И снова улица, аптека, ночь.

Часть 2. География Нижнего мира.

Глава 6. Цена билета

(Этика темного рынка)

В мире существует опасная иллюзия: если дар дан свыше, то работа должна быть бесплатной. «Это же духовное», «вы же помогаете людям», «деньги — это грязь». Люди с радостью отдадут тысячи рублей за бесполезные таблетки или пустую психотерапию, но, когда речь заходит об изменении судьбы, они пытаются проскочить зайцем.

Есть негласный закон тонких миров: цена ритуала должна быть ощутимой. Не обязательно огромной, но такой, чтобы клиент почувствовал вес обмена. Деньги в нашем деле — это не плата за услугу. Это жертва. Первая кровь, которую человек добровольно отдает пространству, чтобы оно начало шевелиться. Это замок на договоре.

Приходит ко мне дама. Дорогая сумочка, идеальная укладка, запах шанеля. Проблема классическая: муж ушел к молодой секретарше. Хочет приворот уровня «любой ценой, сделайте что угодно». Я смотрю в поле ситуации и называю сумму работы. Для её бюджета это копейки — пара походок в ресторан. Для меня — оплата аренды кабинета на месяц вперед.

Она фыркает, поджимает губы: «За что? Вы же просто пошепчете над свечкой!»

Я смотрю ей прямо в глаза и говорю ровно: «Хорошо. Если вы считаете цену несправедливой, мы можем сделать бесплатно. Но оплату я возьму не деньгами».

Она соглашается, думая, что обвела вокруг пальца глупую гадалку и победила систему.

Через полгода она пишет мне сообщение. Приворот сработал слишком хорошо. Муж превратился в одержимого психопата, который следит за ней через GPS, проверяет телефон и ревнует к фонарному столбу. Он потерял работу, потому что коллеги пугались его стеклянных глаз. А их единственный сын-подросток внезапно заболел редкой болезнью крови, требующей донорских вливаний каждые две недели.

«Вы забрали его здоровье?» — рыдала она в трубку, готовая проклясть уже меня. «Верните всё как было!»

Нет. Система всегда берет баланс. Раз ты пожадничала свою маленькую жертву (бумажные купюры), система заберет то, что тебе дороже всего — живую кровь твоего ребенка. Бесплатной магии не бывает. Бывает только отложенный платеж с чудовищными процентами. Если вы не платите мастеру своим ресурсом здесь и сейчас, вы будете платить своими детьми, удачей, годами жизни или рассудком. Выбирайте.

Моя работа стоит дорого не из-за жадности. Она стоит дорого, потому что после того, как я отпускаю семерых детей у дерева или держу душу на канате три дня, я падаю пластом. Мне нужно покупать качественные травы, которые растут не в городе. Мне нужно есть мясо, чтобы восстановить сожженную плоть. И мне нужно оплачивать тишину своего дома, где дети не будут дергать меня час после того, как я закрыла ворота Нижнего мира. Оплата клиента — это заземление для самого практика. Чтобы тяжесть чужого горя не раздавила тебя окончательно.

Глава 7. Бархатная Мгла дома

(Когда бубен висит на крючке)

Люди думают, что дом черного шамана выглядит как склеп Алукарда или декорация к фильму ужасов: черепа на полках, ворон в клетке, котлы с кипящим маслом и вечный полумрак. Они представляют меня закутанной в черную шаль, говорящей загадками и курящей трубку, набитую могильной травой.

Мой дом пахнет жареной картошкой, хлоркой от мытья полов и детской присыпкой. На холодильнике магнитом держится криво нарисованный старшей дочерью цветок (солнце с пятью лучами-черточками) и список покупок: «Молоко, хлеб, туалетная бумага». А рядом, на гвоздике, который муж вкрутил со вздохом «Лишь бы ты успокоилась и не клала его под кровать», висит мой рабочий бубен. Обернутый в плотную черную ткань, чтобы кожа не сохла от домашнего тепла.

Самый сложный переход — это не из мира духов в мир людей. Любой проводник умеет закрывать порталы. Самый сложный переход — это из битвы за душу мальчика у промерзшего дерева обратно к проверке домашнего задания по математике.

Ты возвращаешься оттуда пустая. Сосуды выжжены адреналином и чужой болью. Твои собственные дети подбегают обниматься после школы, а ты инстинктивно дергаешься назад,

потому что еще секунду назад держала за руку смерть, и прикосновение живого, теплого человека кажется слишком громким, слишком быстрым, слишком горячим.

Мой секрет прост до смешного: обувь.

У двери стоят два комплекта тапочек. Обычные, мягкие, плюшевые — для мамы Аси. В них я наступаю на разбросанный конструктор и хлюпаю пролитым соком. И тяжелые кожаные мокасины, которые никогда не ступают дальше порога кухни. Они стоят там, как часовые. Работа начинается в тот момент, когда я снимаю домашние тапки и надеваю их. Это физическое переключение реле. Оставить грязь Нижнего мира, пепел сожженных связей и холод мертвых костей за ковриком.

Потому что тьма нужна там, во мгле. Она — хирургический инструмент. А здесь нужен свет. Теплые батареи, мультики перед сном и запах блинов. Иначе ради чего вообще ведется вся эта война?

Глава 8. Голос Бархатной Мглы

(Анатомия колоды)

Они думают, что Таро — это просто набор картинок с книжной полки. Красивые архетипы: влюбленные держатся за руки, старик несет фонарь, дурак шагает в пропасть. Для большинства это психологический тренажер или салонное развлечение.

Для меня создание колоды было актом экзорцизма.

Когда я начала рисовать свои карты, я не смотрела в справочники по иконографии Райдера-Уэйта. Мне не нужны были чужие трактовки. У меня был свой Нижний мир, который требовал выхода на бумагу. Каждая карта рисовалась не рукой — она выжигалась сквозь зрачки после тех самых ритуалов, о которых я писала выше.

Был аркан «Башня». В книжках это молния, бьющая в замок. Моя «Башня» родилась после того пожара, где сгорели кости той ведьмы. Я взяла черную тушь и рисовала обугленный кирпич, из трещин которого вместо пламени лезли белые, скрюченные корни деревьев, пытающихся удержать падающее небо. Я вложила в этот кусок картона звук трескающегося бетона и запах мокрой золы. Теперь, когда клиент тянет эту карту, он чувствует не страх падения, а облегчение от того, что гнилые стены наконец рухнули.

Или «Луна». Обычно там изображают двух собак, воющих на ночное светило. Моя Луна — это лицо твоего рыжего кота Валеры, полуприкрытое туманом. Потому что именно он научил меня тому, что граница между живым и мертвым — это не стена, а тонкая паутина, через которую можно пройти, если умеешь мурчать. Когда люди гадают на моей колоде, они пугаются этой карты. Она смотрит слишком узнаваемо. Слишком живым взглядом для нарисованной картинки.

Процесс создания напоминал одержимость. Я могла проснуться в три часа ночи от того, что рука сама тянулась к кисти. Акварель высыхала быстрее, чем я успевала положить мазок, потому что духи торопили: «Здесь нужен синий. Нет, глубже. Цвет глаз твоей бабушки перед уходом». Это была тяжелая, физическая работа. К холстам прилипали волосы, в краску падали

настоящие слезы, а иногда перья ворона, которые каким-то образом оказывались на моем столе в закрытой комнате.

Эта колода пропитана настоящей кровью, а не театральной краской. Поэтому она режет правду-матку там, где другие колоды деликатно молчат. Она не утешает. Она показывает анатомию боли так красиво, что от этого невозможно отвести взгляд. Это и есть голос «Бархатной Мглы».

Глава 9. Алхимия пепла

(О том, как рождаются песни)

В первой части книги я писала о «Тысячах канатов» — о битве за жизнь девушки, которая не хотела жить. Я рассказывала это почти академично: разрыв связей, заземление, кокон света. Но там, между строк, осталось самое главное. То, что происходит с телом шамана, когда он пропускает через себя такой объем чужой агонии.

Канал не закрывается вместе с уходом клиента. Он остается открытым, как рваная рана. Энергия Нижнего мира продолжает течь сквозь тебя, потому что у нее нет другого выхода. Если её не направить, она начнет жрать носителя изнутри. Трясти руки, выжигать глаза бессонницей, превращать внутренности в ком колючей проволоки.

Единственный способ выжить после битвы — отдать долг пространству. Трансмутация. Превращение боли в артефакт.

Двадцать песен и две книги родились не из вдохновения. Они родились из тошноты. Из необходимости выплюнуть этот яд наружу, чтобы он не отравил мою кровь.

Песни писались не пальцами по струнам. Они проходили сквозь трахею раскаленным железом. Иногда я просыпалась утром и видела на подушке капли крови — капилляры в горле просто лопались от того напряжения, с которым духи проталкивали мелодию сквозь человеческую плоть. Это был не творческий процесс. Это были физиологические роды звука. Каждая нота отдавалась спазмом в диафрагме.

С книгами было иначе. Текст приходил блоками, готовыми абзацами, которые нужно было лишь успеть записать, пока они не сожгли нейронные связи. Я могла сидеть над листом четырнадцать часов подряд, не чувствуя голода и жажды, пока рука выводила историю чужого предательства или смерти. Когда канал закрывался, я падала лицом в клавиатуру и спала сутки. Просыпалась и не помнила половины написанного. Читала свой же текст как письмо от незнакомца.

Это и есть алхимия пепла. Ты сгораешь сам, становишься топливом, чтобы переплавить свинец чужой судьбы в золото искусства. Те песни теперь звучат иначе, чем если бы их написал здоровый человек. В них есть тот самый низкий гул бубна, который ты слышишь костями. А в книгах... в книгах поселился холод. Тот самый, что стоял в моем саркофаге двенадцать лет. Теперь он греет других.

Мы возвращаемся к столу. Чернила сохнут. Раны на горле медленно затягиваются. Впереди следующая глава. О тех путешествиях, где даже бубен остается лежать на полу, потому что уходит сама душа.

Глава 10. Путешествие без бубна

(О снах, которые реальнее яви)

Есть работа в круге — когда ты сидишь на полу, держишь бубен, и всё под контролем. Ты задаешь ритм, ты ставишь защиту из соли, ты знаешь время начала и конца сеанса. Это хирургия.

А есть то, что начинается, когда гаснет свет, голова касается подушки, и сознание проваливается в темноту. Там нет защиты. Нет круга. И иногда нет даже твоего тела.

В шаманской традиции это называют «свободной охотой». Выход сознания за пределы плоти без проводника. В моей практике это чаще всего выглядит не как красивый астральный полет со светящимися нитями. Чаще всего это грязная, тесная, вонючая работа в чужих кошмарах.

Я закрываю глаза здесь и открываю их там — в комнате клиента, который спит за триста километров от меня. Его тело мечется в лихорадке, постельное белье мокрое от пота. А я стою у его кровати бесплотным стражем.

Был случай. Мужчина средних лет, успешный бизнесмен. Начались панические атаки во сне: каждую ночь к нему приходила черная фигура и медленно выдавливала воздух из легких. Психиатры разводили руками, таблетки превращали дни в серое желе.

Он пришел ко мне днем. Я сделала базовую чистку, но знала — корень сидит глубоко в фазе быстрого сна.

Этой же ночью я легла спать с намерением найти его.

Переход был похож на падение в ледяную воду. Никаких туннелей света — только вязкая, нефтяная темнота канализации страха. Я нашла его детскую комнату. Тот самый возраст, когда ушел отец. Черная фигура оказалась не демоном. Это была гипертрофированная, раздутая до размеров шкафа вина мальчика, который подумал, что папа ушел *из-за него*. Эта сущность годами питалась его тестостероном и успехом, выжигая легкие чувством удушья.

Мне не понадобился бубен. Здесь работает только воля. Я подошла к этой черной массе, которая пахла озоном и пылью, взяла её за «лицо» (если у клубящегося дыма может быть лицо) и просто посмотрела ей в центр. Передала знание о том, что отец ушел от рака поджелудочной железы, задолго до рождения этого страха. Что мальчик ничего не мог сделать.

Сущность скукожилась, как проколотый шарик. Растворилась.

Я вернулась в свое тело рывком, от которого заболели глазные яблоки. Утром пришло сообщение: «Спал всю ночь впервые за пять лет».

Это опаснее любой битвы с живым человеком. Там, во тьме, легко потерять ориентиры. Можно уйти слишком далеко по нити сновидения и зацепиться за чужой нижний мир, притащив кусок его холода сюда, в свою кровать. Поэтому перед сном я всегда снимаю украшения, расплетаю волосы и кладу под подушку нож острием к двери. Даже если идешь туда королевой Нижнего мира, возвращаться лучше скромно. На цыпочках.

Глава 11. Тепло человеческого

(О любви к тому, чья тень слишком длинная)

Они думают, что мы спим в гробах и питаемся страхом прихожан. Что у шамана не может быть простого семейного счастья, потому что духи ревнивы, как брошенные любовники, и обязательно отравят ужин или разобьют машину мужу.

Правда гораздо прозаичнее и от этого — страшнее.

Мой муж не читает моих книг. Он знает их содержание, но буквы для него — это просто бумага. Когда я пишу о разрыве канатов или сожженной ведьме, он на кухне заваривает мне чай с чабрецом и молча ставит кружку рядом с ноутбуком. Это его способ экзорцизма — возвращать меня в материю через простые действия.

Любить темного практика — это соглашаться делить постель с пустотой.

Бывают ночи, когда мое тело лежит рядом, теплое и податливое, но меня там нет. Я держу за руку семерых детей у старого дерева или смотрю в глаза бездне, пытаюсь договориться о цене чужой жизни. В такие моменты физическая близость невозможна. Прикосновение живого человека кажется невыносимо громким, оно рвет ту тонкую нить, на которой висит моя душа между мирами. Он научился чувствовать это по дыханию. Если я дышу слишком ровно, слишком поверхностно — значит, «меня» дома нет. Он просто накрывает меня одеялом и уходит спать в другую комнату, оставляя дверь открытой. Чтобы свет из коридора падал на порог. Граница.

Дети... С детьми всё иначе. Они не знают, что их мама — проводник. Для них я просто Ася, которая иногда странно замирает посреди разговора, глядя в одну точку. Старшая рисует моих духов-помощников фломастерами, называя их «мамины невидимые друзья». Она не боится теней в углу, потому что знает: если страшно — нужно позвать Барсика (даже если кот давно умер, его частота всё еще живет в этом доме). Мои дети выросли с пониманием, что смерть — это не финал, а просто смена адреса. Но они платят свою цену. Их иммунитет часто дает сбой после моих тяжелых работ — они буквально впитывают физиологический отходняк матери, пока я лежу пластом, восстанавливая выгоревшие нейроны.

Самое сложное — объяснить любимому человеку, почему ты берешь деньги за помощь. Почему нельзя спасти всех бесплатно, даже если сердце разрывается. Муж видел меня три дня подряд лежащей без движения после истории с мальчиком у дерева. Он видел счета за электричество, которые взлетают, когда работает очиститель воздуха, выжигающий запах мертвечины из кабинета. И однажды он спросил: «Если бы у нас завтра кончились все деньги, ты бы перестала это делать?»

Я посмотрела на него тогда своими настоящими глазами, теми, что видят сквозь плоть. И ответила: «Тогда я бы сошла с ума. Или умерла. Канал либо работает, либо выжигает носителя дотла. Выбирай».

Он выбрал купить мне новый бубен. Без лишних вопросов.

Любить того, кто держит бездну — это высшая форма доверия. Это знать, что твоя жена уходит во тьму каждую ночь, чтобы кому-то другому стало светло днем. И каждый вечер зажигать ей свечу на подоконнике. Маяк. Чтобы она нашла дорогу обратно. К нам. К картошке на сковородке и разбросанным игрушкам.

«Вкус земли: Анатомия горького чая»

(Или: «Рецепты из-под полыни»)

Они думают, что магия — это взмах руками, гул бубна и древние заклинания на забытых языках. Но половина самой честной работы происходит в тишине, по колено в росе, когда солнце еще только красит горизонт в цвет запекшейся крови.

Шаманский чай — это не ароматный напиток для уютных вечеров с печеньем. Это жидкая воля. Это способ заставить непослушное тело принять то, от чего разум в ужасе отказывается.

Мои правила сбора просты и жестоки, как удар ножом:

1. Никогда не брать у дороги. Трава впитывает скорбь металла и ярость водителей. В ней нет силы, там один лишь смог.

2. Не рвать всё. Если тебе нужен корень — проси прощения у растения. Оставляй монетку или зерно. И бери ровно столько, сколько нужно для дела, а не чтобы заполнить шкафчики про запас. Жадность убивает фитохимию быстрее кипятка.

3. Время решает всё. Зверобой, собранный на Ивана Купалу (в пике солнечного безумия), будет выжигать депрессию. Тот же зверобой, собранный в дождливый вторник, просто заварится бурдой цвета мочи. Луна диктует состав: на растущую — жизнь и деньги, на убывающую — изгнание гнилого.

Я не покупаю травы в аптеках. Я знаю лицо каждой полынинки под моим домом. Вот та, старая, у забора — она злая, её хорошо пускать на чистку помещений от тяжелых гостей. А эта, молоденькая, прячущаяся под лопухом — она нежная, её я добавлю в чай той девушке после битвы за заземление, чтобы залатать дыры в ауре.

Мой рецепт «Глотка реальности» (после спуска в Нижний мир):

Когда возвращаешься оттуда пустой, со звоном в ушах и вкусом пепла во рту, обычные сладкие чаи вызывают тошноту. Тебе нужна горечь, чтобы напомнить телу, что оно живо.

Основа — крепкий черный цейлонский чай (он держит ритм сердца).

Щепотка полыни (размером с ноготь мизинца). Не больше. Иначе вывернет наизнанку прямо на алтарь. Она выгоняет остатки чужих теней из твоего нутра.

Кусочек свежего имбиря. Три тонких среза. Он вбивает душу обратно в пятки, заземляет так, что начинают болеть колени.

Ложка гречишного меда. Только он пахнет полем и солнцем, обманывая рецепторы этой необходимой горечью.

Завариваешь кипятком. Накрываешь ладонями чашку. Дышишь паром. Первые три глотка пьешь стоя, глядя в темноту за окном. На четвертом глотаешь уже сидя. К пятому ты снова чувствуешь вес собственного тела. Боль никуда не ушла, но теперь она упакована внутри тебя аккуратно, по размеру.

Травы никогда не лгут. Они берут плату сразу — своим жжением на языке, терпкостью на деснах. Но они же первыми приходят на помощь, когда духи требуют слишком высокую цену плотью.

Просто потому, что их корни всегда глубже наших самых глубоких страхов

Глава 12. Не передавай волку овцу

(Цена инициации)

Самая опасная иллюзия современного эзотерического рынка звучит так: «Дар есть у каждого, нужно только его раскрыть». Это ложь, которая стоит людям рассудка, а иногда и жизни. Дар не лежит на поверхности, как потерянный ключ. Чаще всего он забит глубоко под корку черепа тяжелым гвоздем детских травм, родовых проклятий или клинической депрессии. И если начать «раскрывать» его силой в неподготовленном теле — рванет так, что осколки собирать будет некому.

Ко мне приходят две категории людей.

Первые — Любопытные. У них горят глаза, они прочитали Блаватскую, Кастанеду и три паблика про руны. Они хотят черную мантию, хрустальный шар, и чтобы мертвые вставали по щелчку пальцев. Таким я отказываю сразу. Их желание — это форма духовной мастурбации. Им нужна власть над духами, потому что в обычной жизни они чувствуют себя ничтожествами. Духи таких чуют за километр. Для духов такие люди — не хозяйева, а шведский стол.

У них часто нет половины зубов, потухший взгляд и привычка спать по четыре часа. В их поле дыры размером с грузовик. Иногда среди них попадаются алмазы. Но чаще — это битое стекло, которое ранит всех вокруг.

Я помню свою самую страшную ошибку. Девочка Лена. Двадцать лет. Сирота. Невероятная чувствительность, видела мёртвых с детства, но считала себя сумасшедшей. Я пожалела её. Мне показалось, что бубен и посвящение дадут ей опору. Мы провели ритуал. Канал открылся настежь.

Первое, что сделала Лена со своей новой силой? Она начала делать привороты на своих обидчиков из школы. Затем перекрыла денежный канал начальнику, который отказался дать ей отпуск. Её дыры никуда не делись — просто теперь она затыкала их чужой энергией. Сила без стержня превратилась в оружие массового поражения. Через год духи пришли ко мне требовать долг. За то, что я спустила бешеного зверя с цепи. Той же ночью мой младший ребенок упал с двухъярусной кровати и сломал руку. Цена учительской слепоты всегда списывается с баланса семьи.

Мне пришлось закрывать её канал. Это была самая грязная работа в моей практике. Я пришла к ней домой. От девочки пахло серой и отчаянием. Я не читала заклинаний. Я просто села напротив и держала свой нож у её колен, пока ломала структуру её новенького, блестящего канала. Выдирала с мясом. Она выла, царапала себе лицо, просила оставить хоть каплю. Но там нечего было оставлять. Там был только паразитизм. После этого она слегла с пневмонией на месяц. Зато выжил мой сын. А девочка пошла к психотерапевту пить таблетки. Это честнее, чем стать кормом для Нижних миров.

Право учить дается не тому, кто много знает. Оно дается тому, кто научился говорить «нет». Даже когда перед тобой стоят на коленях и плачут. Особенно тогда. Ты смотришь не на человека. Ты смотришь сквозь него. Видишь ли ты там сталь? Способность держать удар, когда твои собственные дети начнут болеть от твоих практик? Если видишь только жалость к себе — гони прочь. Пусть лучше плачет сейчас от отказа, чем потом во время лоботомии.

Шаманская линия должна быть чище хирургических скальпелей. Один ржавый крючок — и гниль пойдет по всей цепочке до седьмого колена.

Глава 13. Кто закроет дверь?

(Наследие мертвеца)

Мы любим представлять смерть практика как красивый уход: бубен замолкает, свечи гаснут сами собой, духи склоняют головы в почтительном молчании и растворяются в вечности. Это сказка для успокоения живых.

Правда выглядит как экологическая катастрофа тонкого плана.

Духи-помощники, фетчи, бесы на договоре, родовые защитники — они не уходят в отпуск после похорон. Они остаются привязаны к месту силы, к алтарю, а главное — к тем контрактам, которые шаман держал при жизни.

Если мастер уходит внезапно, не передав ключи от «склада», начинается хаос. Представь себе тюрьму, где расстреляли всех охранников, но забыли открыть камеры.

Я видела такое наследство. Старая ведьма из глухой деревни. Характером — ржавая пила, силу брала жестко, врагов хоронили пачками. Умерла во сне, тихо. Наследники — городские внуки-трезвенники, которым нужен был только её дом под дачу. Алтарь со старыми иконами (перевернутыми) они просто вынесли на помойку. Бубен бросили в сырой подвал.

Через неделю умер скот. Через месяц сторел сарай. Внуки начали болеть странными болезнями, которых нет в медицинских справочниках.

Почему? Потому что те, кого бабка держала на цепи десятилетиями, оголодали. Её воля была замком на клетке. Когда замок исчез, голодные сущности вышли в мир. И первым делом они сожрали тех, кто оказался ближе всего — собственную кровь старухи. Духи не злые. Они просто следуют инстинкту выживания. Им нужна подпитка. Если хозяин ушел, батарейка села, а новую вставить некому — они берут плату кровью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.